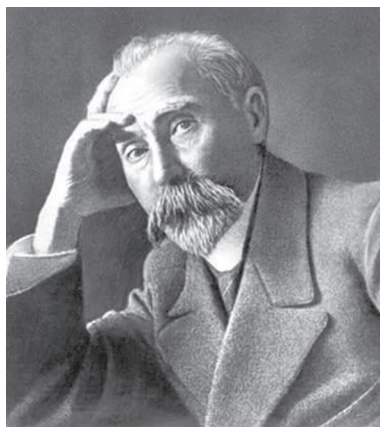

Серия «Университетские научные школы»

Выпуск 12

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ,
ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ,
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.В. ПЛЕХАНОВА»
ФГБОУ ВО «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА»
ТАМБОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
НАУЧНАЯ ШКОЛА «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
В РОССИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ имени Г.В. ПЛЕХАНОВА

Серия «Университетские научные школы»

Выпуск 12

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ,
ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ,
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(К 160-летию со дня рождения Г.В. Плеханова)

Монография

Москва – Тамбов

2017

Оглавление

Введение	15
Вместо предисловия. Кратко о Плеханове и РЭУ им. Г.В. Плеханова <i>В.И. Гришин, д.э.н., проф., ректор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова</i>	19
Раздел I. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО МЫСЛИТЕЛЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА	
Глава 1. Наши разногласия. Письмо к П.Л. Лаврову	21
Глава 2. Об экономическом факторе	35
Глава 3. Двадцать пятая годовщина смерти К. Маркса	63
Раздел II. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Г.В. ПЛЕХАНОВА, ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТУПКИ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ	
Глава 4. Сложная и противоречивая судьба Г.В. Плеханова и уроки, которые можно извлечь из его творческого наследия <i>Г.П. Журавлева, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ</i>	67
Глава 5. Идеиное наследие Г.В. Плеханова: ретроспектива и перспектива развития индустриального общества <i>С.Д. Бодрунов, д.э.н., проф.</i>	83
Глава 6. Напряженный поиск верного взгляда на исторический процесс Г.В. Плеханова <i>Ю.В. Якутин, д.э.н., проф.</i>	91
Глава 7. Детерминированность экономических преобразований: от Г.В. Плеханова к Л.И. Абалкину <i>М.И. Воейков, д.э.н., проф.</i>	105
Глава 8. Сквозь призму времени. Марксист с особо человеческим лицом <i>Г.Н. Цаголов, д.э.н., проф., академик РАЕН</i>	112

Глава 9.	Экономические взгляды Г.В. Плеханова и проблемы развития России в современных условиях <i>А.А. Анисимов, к.э.н., доц., О.Б. Тихонова, к.э.н., доц.</i>	121
Глава 10.	Трагифарс «Плехановской ортодоксии» и драма российской европеизации <i>Г.Д. Гловели, д.э.н., проф.</i>	133
Глава 11.	Г.В. Плеханов и евразийская идея <i>Д.Ю. Миропольский, д.э.н., проф.</i>	144
Глава 12.	Взаимосвязь экономического и нравственного в формировании гражданского общества: взгляды Г.В. Плеханова и современность <i>Г.И. Грекова, д.э.н., проф.</i>	151
Глава 13.	Специфика экономического поведения российской буржуазии: прошлое и современность <i>М.В. Киварина, д.э.н., доц.</i>	156
Глава 14.	Взгляды Г.В. Плеханова на роль интеллигенции в рабочем движении России на рубеже XIX-XX в. <i>Н.М. Багновская, д.и.н., проф.</i>	160
Глава 15.	Г.В. Плеханов и современные исследователи о связи законов и теорий <i>Н.И. Сидоренко, д.ф.н., проф.</i>	168
Глава 16.	Отражение мыслей Г.В. Плеханова в экономической действительности РФ XXI века <i>А.А. Узрюмова, д.э.н., проф., Л.Е. Паутова, к.и.н., доц.</i>	181
Глава 17.	Философия развития российского общества в работах Г.В. Плеханова (системный подход) <i>П.В. Савченко, д.э.н., проф., М.Н. Федорова, д.э.н.</i>	187
Глава 18.	Г.В. Плеханов и С.Н. Булгаков: марксизм и русский философский ренессанс XX в. <i>А.В. Талонов, д.э.н., проф.</i>	197
Глава 19.	Взгляды Г.В. Плеханова на мировоззренчески-познавательную и художественно-эстетическую сферу культуры <i>И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Л.И. Батюк, к.и.н., доц.</i>	202
Глава 20.	Исторические корни социологии искусства и вклад Г.В. Плеханова в решение этой проблемы <i>Е.В. Александрова, к.и.н., доц., М.И. Скрипникова, ст. преп., Ю.И. Смирнов, к.и.н., доц.,</i>	206
Глава 21.	Взгляды Г.В. Плеханова на историю общественного развития и история «перестройки» современной России <i>Ю.П. Кожяев, д.и.н., проф.</i>	212
Глава 22.	Прав ли был Г. Плеханов? (взгляд через 100 лет) <i>М.И. Забелина, к.э.н., доц.</i>	225

**Раздел III. К 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.В. ПЛЕХАНОВА**

Глава 23.	История создания экономико-коммерческого высшего учебного заведения: от коммерческого училища до Государственного Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова <i>Ш.М. Мунчаев, д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ</i>	229
Глава 24.	Политические взгляды современника Г.В. Плеханова, первого ректора Московского коммерческого института профессора Павла Ивановича Новгородцева и его время <i>Р.И. Хасбулатов, д.э.н., проф., член-корр. РАН</i>	238
Глава 25.	Плехановская культура в свете теории «общественного идеала» П.И. Новгородцева <i>И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Ф.И. Гусейнов, к.ф.н., доц.</i>	259
Глава 26.	Московское общество распространения коммерческого образования <i>И.Н. Шапкин, д.э.н., проф.</i>	265
Глава 27.	Роль РЭУ им. Г.В. Плеханова в современном российском образовании <i>И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Д.О. Чавкин, асп.</i>	279
Глава 28.	Перспективные профессии в области менеджмента и экономики <i>С.В. Панасенко, д.э.н., проф., С.А. Краснов, препод.</i>	289

**Раздел IV. «ПЛЕХАНОВЦЫ» – УЧЕНЫЕ И ВЫПУСКНИКИ
РЭУ им. Г.В. ПЛЕХАНОВА – О РОССИЙСКИХ
И МИРОВЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ**

Глава 29.	Размышления об экономике и геополитике <i>Р.С. Гринберг, д.э.н., проф., член-корр. РАН</i>	298
Глава 30.	Открытая дискуссия в России по национальному вопросу (два мнения)	
30.1.	Кому и зачем нужен закон «О российской нации»?! <i>К.И. Курбаков, д.э.н., проф.</i>	301
30.2.	«Для мира мы русские» <i>С.С. Говорухин, депутат Госдумы РФ, кинорежиссер</i>	308
Глава 31.	Образование как фактор экономического развития отечественной экономики <i>Л.И. Батудаева, к.э.н., доц.</i>	310
Глава 32.	Категориальное понимание человеческого капитала <i>Е.Н. Чижова, д.э.н., проф., Е.Ю. Кажанова, ст. преп.</i>	314
Глава 33.	Анализ факторов экономического роста на основе научных исследований <i>С.В. Мудрова, к.э.н., доц., Д.А. Покаместов, студ.</i>	323

Глава 34.	Особенности транзакционных издержек на рынке труда <i>В.С. Баженова, д.э.н., проф., Е.Н. Протасова, к.э.н., препод.</i>	330
Глава 35.	Приоритетные направления экономической политики государства на современном этапе <i>Т.В. Скрыль, к.э.н., доц.</i>	339
Глава 36.	Малое и среднее предпринимательство – стратегический ресурс развития России <i>О.В. Сагинова, д.э.н., Л.С. Леонтьева, д.э.н., Д.В. Завьялов, к.э.н., Н.Б. Завьялова, к.т.н.</i>	345
Глава 37.	Приоритетное развитие легкой промышленности в российских регионах <i>Е.В. Бурденко, к.э.н., доц.</i>	358
Глава 38.	Основные ориентиры стратегии пространственного развития крупных городов в условиях экономической нестабильности <i>Г.Ю. Гагарина, д.э.н., проф., Л.С. Архипова, к.э.н., доц.</i>	365
Глава 39.	Анализ торговых центров Москвы и Московской области <i>С.В. Панасенко, д.э.н., проф., Е.В. Слепенкова, доц., Т.В. Жердочка, студ.</i>	372
Глава 40.	Экономика идентичности <i>А.Ю. Борисов, асп.</i>	379
Глава 41.	Виртуальная реальность как будущее современного маркетинга <i>Е.А. Панова, к.э.н., ст. преп., Е.Р. Редько, студ.</i>	383
Глава 42.	Диспаритет цен как возможность расширенного воспроизводства аграрной экономики <i>Н.Р. Амирова, к.э.н., доц., Л.В. Саргина, к.э.н., доц.</i>	386
Глава 43.	Межфирменная кооперация и интеграционные процессы в системе АПК РФ <i>Н.Е. Бондаренко, к.э.н., доц., Т.П. Максимова, к.э.н., доц.</i>	395
Глава 44.	Динамика развития природно-ресурсного потенциала регионов Монголии <i>Т.Г. Романова, д.э.н., проф., Р.Ж. Цыдыпов, к.э.н., доц.</i>	404
Заключение		410
Приложение 1.	Основные даты жизни и деятельности Г.В. Плеханова	411
Приложение 2.	Список работ Г.В. Плеханова, вошедших в «Избранные философские произведения»	419
Приложение 3.	Библиографический перечень литературы о Г.В. Плеханове	426
Приложение 4.	Иллюстрации	439

Глава 10

ТРАГИФАРС «ПЛЕХАНОВСКОЙ ОРТОДОКСИИ» И ДРАМА РОССИЙСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Г.Д. ГЛОВЕЛИ,
д.э.н., проф.,
НИУ «Высшая школа экономики»

О трагедии Г.В. Плеханова как ортодоксального марксиста заговорили сразу после его смерти. Причем с диаметрально противоположных позиций. Одну выразил Председатель Реввоенсовета Л. Троцкий в траурной речи на заседании ВЦИКа: *«Нет и не может быть большей трагедии для политического деятеля, который неустанно доказывал, в течение десятилетий, что русская революция может развиваться и прийти к победе лишь как революция рабочего класса, – не может быть большей трагедии для такого деятеля, как отказаться от участия в движении рабочего класса в самый ответственный исторический период, в эпоху победоносной революции»*¹. Другую – веховец А. Изгоев в сборнике «Из глубины»: *«если Г.В. Плеханов пришел в искренний ужас, когда увидел на деле осуществление своих идей, если он проклял дела своих учеников, отшатнулся от них и умер забытый, покинутый и оплеванный русскими рабочими социал-демократами, то эта трагическая судьба крупного русского писателя свидетельствует о благородстве его характера и чистоте сердца, но вместе с тем заключает в себе и жесточайший приговор над всей его политической идеологией»*².

«И перед раскрытой могилой Плеханова, – восклицал Троцкий, – мы остаемся верны своему знамени, не делаем никаких уступок Плеханову – соглашателю и националисту, не берем назад ни одного из ударов, которые наносили, не требуя и от противников, чтобы они щадили нас. Но в то же время сейчас, когда в наше сознание остро вошел тот факт, что Плеханова больше нет среди живых, мы ощущаем в себе, наряду с непримиримой революционной враждой ко всем тем, кто стоит поперек пути рабочего класса, достаточно идейной широты, чтобы вспомнить сейчас Плеханова не таким, против которого мы боролись со всей решительностью, а таким, у которого мы учились азбуке революционного марксизма. Мы, его ученики, живем и боремся под знаменем марксизма, под знаменем пролетарской революции».

¹ Троцкий Л. Памяти Плеханова. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1926/historical_boundary/17.htm

² Изгоев А. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 161-162.

Изгоев же (припоминая, что еще в «Вехах» его соавтор Б. Кистяковский приводил речь Плеханова на Втором съезде РСДРП как яркий пример низкого уровня правосознания русской интеллигенции¹) настаивал, что в 1917 г. большевики осуществили только то, чему Г.В. Плеханов учил их еще в 1903 г., а «бесспорно крупнейший» из русских социал-демократов «искренно во всю свою жизнь не мог понять основной лжи своих взглядов, приведшей его партию к таким бессмысленным и позорным поступкам». Ведь на том самом Втором съезде РСДРП Плеханов допускал разгон всенародно избранного парламента «если можно, через две недели», если бы выборы оказались неудачными для социал-демократов: «Успех революции – высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы остановиться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии». Прочитывая эти «откровения Г.В. Плеханова», Изгоев заключил, что для большевиков оказалось возможным разогнать Учредительное собрание не через две недели, а через день.

Еще раз тень Плеханова «столкнула» Троцкого и Изгоева в 1922 г., когда один напутствовал первый номер журнала «Под знаменем марксизма» (посвященный именно Плеханову!), а другой был выслан из Советской России на «философском пароходе» после того, как в следующем номере этого журнала появилась статья Председателя Совнаркома В. Ульянова-Ленина «О значении воинствующего материализма». «Воинствующий материализм» (Materialismus militans) был главным из отточенных Плехановым «копий», которым Ульянов-Ленин и Троцкий придавали исключительно важное значение в «железном инвентаре рабочего класса», ибо «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы не изучать – именно изучать – все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма²» (почему в 1917 г. «лучший» из философов-марксистов «учения марксизма о государстве совершенно не понял³», Ленин умолчал).

Руководить изучением марксистской философии, а точнее – насаждением «плехановской ортодоксии», было по решению В. Ульянова-Ленина доверено ученику Плеханова бывшему меньшевику А. Деборину. В том самом первом номере журнала «Под знаменем марксизма» Деборин возвестил, что «в лице Плеханова русская действительность в целом осознала самое себя», поскольку Плеханов «открыл в России город, капитализм и рабочий класс». Со страниц редактируемого Дебориным журнала копия «плехановской ортодоксии» летели в «еретиков» и «идеалистов», особенно в тех, которые никак не хотели считаться с плехановским

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 112-113.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 290.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Политиздат, 1970. С. 139.

положением, что указанный диалектикой Гегеля путь исследований «есть именно тот путь, следуя которому наука нашего времени, – например, естествознание, – сделала самые блестящие свои теоретические приобретения»¹.

Задетый напором плехановцев-ортодоксов, мнивших диалектический метод универсальным и непогрешимым критерием философской и научной истины, с острополемической запиской против навязывания естествознанию «пережитка гегельянства, который отходит все дальше и дальше в историю», выступил тогда В.И. Вернадский². И на знаменитых выборах 1929 г. в Академию наук СССР Деборина забаллотировали, но затем со скандалом протолкнули по партийному списку³. Однако главный плехановец-ортодокс метил уже выше – в письме к достигшему полновластия генсеку Сталину он предложил тому содружество наподобие великого содружества Маркса и Энгельса⁴. И вскоре на одном совещании в Кремле новый Председатель Совнаркома Молотов как бы мимоходом заметил, что академик Деборин «воображает себя Энгельсом на советской земле». А затем школа ярых ревнителей «плехановской ортодоксии», или «диалектического материализма», была разгромлена как «меньшевиствующий идеализм» застрывших на позициях Плеханова; проглядевших ленинский этап в развитии марксизма, предпочитавших вместо Маркса и Ленина цитировать Гегеля и Плеханова и т.п. Сикофантов Сталина на «философском фронте» возглавил Митин (один из самых бездарных учеников Деборина, как сам Деборин был одним из самых бездарных учеников Плеханова). Про «плехановскую ортодоксию» сразу забыли, хотя рожденный ею «диамат» остался надолго.

В оценках деятельности самого Плеханова с того времени стало обязательным делать упор на ее последний, «меньшевицкий», неленинский этап. Впрочем, не следует преувеличивать посмертной опалы «отца русского марксизма» в годы, когда самой распространенной марксистской книгой была «История ВКП(б). Краткий курс», отредактированная «отцом народов». Кстати, именно с Плеханова (!) начал перечень великих деятелей русской нации Верховный Главнокомандующий Сталин в своей речи на заседании Моссовета⁵ накануне военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. А сразу после XX съезда КПСС началось издание нового, пусть и неполного, но весьма внушительного собрания сочинений Плеханова по случаю столетия со дня его рождения (в 5 томах, 1956-1960). Многократно подчер-

¹ Плеханов Г.В. *Сант против Канта* // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5-ти т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 381.

² Вернадский В.И. *Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук* // Коммунист. 1988. № 18. С. 71.

³ Перченко Ф. *Академия наук на «великом переломе»* // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 182-183.

⁴ Некрич А. *Отрешись от страха. Воспоминания историка*. Overseas Publications Intershance LTD, 1979. С. 18. URL: http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/nekrich_otreshis_ot_strakha_1979_text.pdf

⁵ Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 79. // URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t15/t15_13.htm#r4

кивалось, что Плеханов первым указал на историческую миссию рабочего класса России и открыл тем самым новую страницу в русской экономической мысли¹.

Однако к столетию с тех пор, как Г.В. Плеханов провозвестил пролетариат классом, коему суждена «наиболее европейская роль в русской политической жизни», учение об исторической миссии рабочего класса было низведено в СССР до уровня господствующей «общеморальной» концепции типа той, о которой писал А. Грамши: «устарела, распалась на составные части, стала лицемерно-формальной, но пытается насильственным образом сохранить прежнюю силу воздействия на умы, вынуждая общество жить двойной жизнью; периоды моральной распущенности и разложения как раз отражают реакцию на лицемерие и двуличие – реакцию, принимающую крайние формы»². В этих крайних формах задули новые ветры идеологической и политической ангажированности – от почвенничества и клерикализма до «приоритета общечеловеческих ценностей», скрывавшего план системоточцев: «авторитетом Ленина ударить по Сталину... в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще»³.

Удары достигли цели, проторив дорогу скороспелой «либерально»-западнической глоскратии⁴ конца XX в., не оставившей стране иного выбора, кроме как между чубандитским капитализмом и «последними свободными выборами» (в пользу первого). Но бесславная дефолтация режима первоначального накопления олигархического капитала инспирировала запрос на очередные идейные и политические эксгумации. И XX в. напоследок было угодно увенчать трагедию Плеханова фальсифицированным «Политическим завещанием Плеханова», проводящим через чело первого крестоносца русского марксизма ревизионистскую, чуть ли не бадгодесбергскую или даже постиндустриалистскую борозду.

Сведущие в наследии Плеханова – надо отдать им должное – без промедления выступили против подложного текста, из которого «явствует, что перед смертью Плеханов «прозрел» и из революционера, каким он был на протяжении сорока с лишним лет своей жизни, стал чистым эволюционистом бернштейнианского толка»⁵. Несведущие обрадовались тому, что скептический автор порицавшего Октябрьский переворот «Открытого письма к петроградским рабочим», оказывается, «гениально предвидел», что «XX век – век великих открытий, век просвещения и стремительной гуманизации отвергнет и осудит большевизм».

¹ История русской экономической мысли / под ред. А.И. Пашкова. Т. II. Ч. 2. М.: Госполитиздат. 1960. С. 230.

² Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980. С. 327.

³ Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Чёрная книга коммунизма: пер. с франц. М., 2001. С. 14.

⁴ Т.е. пребыванию у власти (греч. «кратос») группы лиц, именовавших себя реформаторами.

⁵ Петренко Е., Филимонова Т., Тютюкин С., Чернобаев А. Существовало ли «Завещание»? // Независимая газета. 2000. 4 марта. // URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-03-04/8_existance.html

Это уже не трагедия, а трагифарс в духе постмодернистской философии, где симулякр-подлог («Политическое завещание Плеханова») – репрезентация на самом деле не существующего – грозит перейти в симулякр более «высокого» порядка (знак, не скрывающий, что оригинал не важен) – стерилизованный образ Плеханова, который якобы и «никогда не был ни ортодоксальным марксистом», а на смертном одре сделал-таки правильный выбор и покаялся в своей «главной, непростительной ошибке» – Ленине. И оказался пророком не в смысле «монистического взгляда на историю»¹ и трагедии русской интеллигенции², а в смысле фарса «постсоветской» политико-идеологической «плюралистической» конъюнктуры.

Было высказано мнение, что анализировать отдельные конъюнктурные пассажи «Завещания» смысла нет. Позволим себе не согласиться и остановимся на некоторых из них – как по части партийного прошлого Плеханова, так и по части «прогнозов».

Прежде всего в духе культового подхода Плеханов и Ленин возвышаются в «завещании» над всеми остальными российскими социал-демократами (включая Троцкого, который в последний год жизни Плеханова представлялся и изнутри, и извне большевизма фигурой не меньшего масштаба, чем Ленин), и явно гипертрофируется значение все того же Второго съезда РСДРП, а «Плеханов» берет на себя акушерскую ответственность за рождение большевизма. Между тем «большинство», достигнутое Лениным на этом съезде, было быстро сведено на нет Троцким и Мартовым, и лишь появление в заграничных колониях РСДРП новых фигур – Богданова и Луначарского, а затем деятельность Богданова в России как организатора Третьего партийного съезда (1905) привели к самоопределению большевизма.

«Плеханов» обвиняет Ленина в том, что тот «ловко манипулирует цитатами Маркса и Энгельса, зачастую давая им совершенно иное толкование». А реальный Плеханов? Он, пожалуй, действительно был «последовательным марксистом-диалектиком», да вот только, метая копыя материалистической «ортодоксии» в ревизионистов-кантианцев, сам придерживался устарелого и вполне кантианского определения материи как «вещи в себе». Твердолобый Деборин пошел еще дальше, заявив, что требовать от материалиста определения «вещи в себе» все равно, что «требовать от теолога объяснения относительно причины его бога». Но проблема была в том, что второй из знаменитых «Тезисов о Фейербахе», всеми марксистами признаваемых за краеугольный мировоззренческий камень, выносил «вещь в себе» за рамки «вопроса о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью». Это и утверждал в полемике с плехановской школой энциклопед-

¹ «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) – едва ли не самое знаменитое плехановское сочинение, на котором, по словам Ульянова-Ленина, «воспиталось целое поколение русских марксистов».

² «Плеханов оказался пророком: рабочий был той точкой опоры, куда должен быть приложен революционный рычаг» (Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции (1924) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 95.

дист Богданов, доказывая, что «великая научно-техническая революция, которая идет на наших глазах»¹, в категории «вещь в себе» не нуждается. А затем Богданов выяснил факт «совершенно беспримерный»: Плеханов нарочито неверно перевел на русский язык второй из «Тезисов о Фейербахе», чтобы отождествить позицию Маркса со своей собственной. Вместо «практикой должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, по-сю-сторонность своего мышления» переводчик-Плеханов прибавил от себя отрицание «не», и получилась цитата в пользу философа Плеханова: *«Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т.е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений»*². Прервем на этом разговор о манипулировании цитатами Маркса и обратимся к «прогнозам» из «Завещания». Выделим два, будто бы сделанных Плехановым в 1918 г.

«Я допускаю мысль, что Ленин, опираясь на тотальный террор, выйдет победителем из Гражданской войны, к которой так упорно стремится. В этом случае большевистская Россия окажется в политико-экономической изоляции и неизбежно превратится в военный лагерь, где граждан будут пугать империализмом и кормить обещаниями».

«Каждый человек, владеющий законом отрицания отрицания, может легко прийти к выводу, что роль политической надстройки циклически меняется от формации к формации, то усиливаясь, то ослабевая. Всеми признается, что роль политической надстройки при социализме должна существенно возрасти, поскольку государство берет на себя дополнительные регулирующие функции: планирование, контроль, распределение и прочее. В этом смысле политическая надстройка при социализме, отрицающая капиталистическую, будет больше похожа на надстройку монархического феодализма, чем капитализма. А это грозит тем, что в отсутствие демократии – а ее, как уже отмечалось, при ленинском социализме не будет, – при низкой культуре и самосознании масс государство может превратиться в феодала более страшного, чем монарх, потому что последний все-таки человек, тогда как государство – безликая и бездушная машина. Убежден: именно таким феодалом окажется ленинское социалистическое государство, особенно в первые десятилетия».

Апостериори «строительства социализма» в России эти слова выглядят убедительно. Но так ли они «уникальны», даже если допустить, что были в самом деле продиктованы Плехановым? Сравните (обращая внимание на даты!):

«Не грозит ли Европе, одновременно с промышленным развитием, регресс нравственный и умственный, одичание нравов, понижение человеческого типа, ограничение свободы, процветание которой не может быть совместимо с превращением страны в военный лагерь?» (1895).

¹ Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб.: Издание тов-ва «Знание», 1908. С. 66.

² Там же. С. 19. Богданов А.А. Вера и наука // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 79-80.

«Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осажденного положения, необходимого террора и военицины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом» (1908).

«В странах, где значительная часть чиновничьей интеллигенции связана с помещичьим сословием или тяготеет к нему, одну из таких модернизаций часто называют «государственным социализмом». Впрочем, правильнее было бы назвать ее «бюрократическим социализмом»: производство и распределение, организованное иерархией чиновников с патриархально-моральной монархической властью во главе, – нечто среднее между идеалом технической интеллигенции и феодально-сословным» (1917).

Первая цитата взята из «Очерков теоретической экономии» (1895) В.П. Воронцова, автора, который ввел в русский словесный обиход понятие «капитализм». Две других – из работ уже не раз упомянутого А.А. Богданова (утопии «Красная звезда» и главного труда «Всеобщая организационная наука: Тектология»). В контексте истории русского марксизма эти авторы особенно интересны тем, что их ожесточенно третировали – первого как «легалного народника», второго как «ревизиониста-махиста» – и меньшевик Плеханов, и большевик «Вл. Ильин» (Ульянов-Ленин).

Между тем именно бывший большевик Богданов, которого философ Плеханов сравнивал с охотничьей «дичью», с «бестией», подлежащей уничтожению¹, может быть с не меньшим основанием, чем бывший кадет Вернадский, назван российским «пророком атомного века». Ведь он писал еще в 1918 г. (!):

«Работа над электричеством и производными от него явлениями открыла еще несравненно более грандиозные перспективы: внутриатомную энергию. Оказалось, что под метафизически неподвижной оболочкой химических элементов скрывается самое напряженное движение и вечное разрушение. В поле труда, но пока вне его власти находятся количества сил, в миллиарды раз превосходящие те, которые были найдены раньше. Перед научной техникой выступает задача, наиболее революционная из всех, которые когда-либо ею ставились.

Можно с уверенностью сказать, что сколько-нибудь полного разрешения этой задачи не достигнуть нынешнему, анархически раздробленному человечеству. Но даже очень частичное разрешение ее само по себе повело бы к преобразованию всей социальной организации: оно должно дать в руки людям такие гигантские и грозные силы, которые необходимо требуют контроля общечеловеческого коллектива, иначе они могут оказаться губельны для всей жизни на Земле»².

А Воронцов, умерший в том же году, что и Плеханов, но в противоположность тому, прочно забытый (после его смерти в XX в. лишь дважды, и то в антологиях, печатались отдельные главы его книг), еще в конце XIX в. понимал кое-что из того,

¹ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Международный Институт А. Богданова, 2003. С. 420.

² Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 7-8.

чего не поняли ни тогда Плеханов, ни те, кто в конце XX в. сочинил «завещание Плеханова». А именно: включение отсталой страны в мировой капиталистический рынок угрожает продолжением экстенсивной деформации структуры народного хозяйства¹ и зависимостью от передовых наций, которые вынуждают отсталые к распространению аграрно-сырьевой деятельности больше чем, тем нужно самим².

Значит ли все вышесказанное, что следует перечеркнуть наследие Плеханова, как когда-то перечеркнули «плехановскую ортодоксию», как «плехановские ортодоксы» и позднейшие маршатели перечеркивали наследие Богданова³, Воронцова и других⁴? Отнюдь нет.

«Не мне защищать память Плеханова; – писал травимый деборинской сворой «ортодоксов» Богданов, – но я не забыл того, чем обязаны ему первые поколения русских работников научного социализма»⁵. Хотя ныне «русских работников научного социализма» поискать надо, следует принять во внимание, что для Плеханова обращение к марксизму было обусловлено не только поиском опоры в революционной борьбе с самодержавием, но и еще более масштабной проблемой европеизации России. И в этом контексте, если не заикливаться на привычном (пусть и с разным знаком) «лениноцентризме», можно увидеть актуальные ракурсы за плехановской полемикой «ближнего прицела» все с теми же Богдановым и Воронцовым, упускаемые до сих пор всей историографией.

Плеханов и другие русские марксисты конца XIX в. (от Струве до Ульянова-Ленина) в дебатах с Воронцовым и другими стареющими народниками настаивали на неотвратимости и прогрессивности капитализма для экономической европеизации и «роста национальных производительных сил» России. «Неомарксисты» (так их тогда называли) ожидали, что с развитием капитализма на «самобытной» почве Русской Азии впервые сформируется европейская классовая структура, которая повлечет и политическую европеизацию – свержение самодержавия и демократизацию.

¹ Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. СПб.: Алетей, 2009. С. 62.

² Воронцов В.П. Экономика и капитализм. Избр. сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 760.

³ Именно недостойный автор биографии Плеханова в серии ЖЗЛ, будучи функционером ЦК КПСС и редактором журнала «Философские науки», яро тормозил в свое время (1960-70-е гг.) признание тектологии («всеобщей организационной науки») Богданова как ранней версии кибернетики и общей теории систем.

⁴ Назову одного автора, интересного в том числе и тем, что во время создания своего главного труда – «Закономерность аграрной эволюции» – он был библиотекарем и потом приват-доцентом Московского Коммерческого (будущего Плехановского) института – Н.П. Огановского. Мои усилия привлечь внимание к этому экономисту как к выдающейся фигуре русской эволюционной и институциональной экономической мысли пока не увенчались особым успехом.

⁵ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2-х кн.: Кн. 1. / под ред. Л. И. Абалкина и др. М.: Экономика, 1989. С. 421.

Плеханов был наиболее последовательным в трактовке азиатской природы русской государственности. Он использовал наработки школ русской историографии – государственно-юридической (Чичерин, Соловьев, Ключевский) и федералистской (Костомаров, Шапов, Мечников) – и опирался на формационный подход – включая тезис Маркса об «азиатском способе производства». Согласно плехановской трактовке, «азиатизация» России выразилась в закреплении не только низшего (крестьянского), но и высшего (служилого) сословия и достигла кульминации в конце XVII в., «когда в передовых странах европейского Запада быстро исчезали последние остатки крепостного права»¹. «Москва была своего рода Китаем, но этот Китай находился не в Азии, а в Европе»²; всеобщее закрепощение создавало основу для азиатской деспотии.

Соседство и военное превосходство Запада подтолкнули страну к повороту на «путь общеевропейского развития», хотя этот поворот был весьма медленным. Долгое время европеизировалось лишь раскрепостившее себя благодаря гвардии дворянство; реформа 1861 г. была проведена самодержавным государством, вынужденным к тому же преодолевать сопротивление дворянства. Эта реформа «сильно отзывалась Азией» и потому к сколько-нибудь последовательной европеизации русского крестьянства не привела. По выводам Плеханова, русское крестьянство оставалось в большей степени классом азиатского, чем европейского общества, тогда как появление русской промышленной буржуазии и ее спутника-антагониста – пролетариата – было экономически и политически обнадеживающей тенденцией европеизации и подрыва самодержавия. Поэтому столь убежденно Плеханов и другие «неомарксисты» третировали легальное народничество, считавшее возможным в России избежать «пролетаризации» народных масс и отказаться от борьбы за политические свободы.

В ближнем прицеле марксисты оказались точнее: Россия втянулась густыми побегами в мировое капиталистическое хозяйство. Плеханов с удовлетворением констатировал: «Обезнародив» часть трудящегося населения России, капитализм впервые обеспечил прочную общественную поддержку передовым стремлениям, проникавшим с Запада в Россию»³. Но вместе с тем и гораздо быстрее подвигалась внешнеторговая и долговая зависимость России от Европы, ускоренно превращавшейся, как предупреждал народник Воронцов, в военный лагерь, с «резким противоречием между мыслями и речами цивилизованных обществ, заключающими развитие идей международной солидарности, и практикой тех же обществ, принимающих все меры к тому, чтобы разъединить народы, чтобы поставить их друг против друга на ножи»⁴. Если бы только «на ножи» – капитализм начала

¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Соч. Т. 20. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 118.

² Плеханов Г.В. На русские темы // Плеханов Г.В. Соч. Т. 3. М.-Пг.: Госиздат, 1923. С. 74.

³ Плеханов Г.В. Соч. Т. 20. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 125.

⁴ Воронцов В.П. Экономика и капитализм. М.: Астрель, 2008. С. 502.

XX в. настолько преуспел в преимущественном росте производства вооружений, что столкновение «передовых» промышленных держав стало самоубийственной катастрофой для буржуазной Европы и особенно для европеизировавшейся «России, кровью умытой»¹.

Односторонней и весьма упрощенной оказалась и ретроспективная часть концепции европеизации, сводимой Плехановым к «двум процессам, параллельных один другому, но направленных в обратные стороны: закрепощение крестьян доходит у нас до апогея в тот самый период, когда оно исчезает на Западе. Этим еще более увеличивается разница положения русского крестьянина с положением западного»². Но, во-первых, ведь и сам Плеханов отмечал, что апогея русское крепостное право достигло после западных петровских реформ. Во-вторых, говоря о Западе, Плеханов подразумевал лишь часть Европы, куда не попадало большинство земель Германии (восточных и южных), а также Речь Посполитая, Венгрия и др. И, в-третьих, Плеханов проигнорировал исследование о «вторичном закрепощении крестьянства» крестьянства в этих странах не кого-нибудь, а старика Энгельса³.

«В длинный промежуток времени от Петра до генерала Киселева, – писал Плеханов, – положение русского крестьянина все более и более приближалось к положению низшего, порабощенного класса восточных деспотий»⁴. Но, с одной стороны, такое «приближение» происходило вместе с послепетровским «приближением» к Западу. А, с другой стороны, несмотря на огромную власть русского помещика, положение русского крестьянина в конце XVIII в., по свидетельствам европейцев, было явно лучшим сравнительно с крестьянином польским, литовским или остзейским, вероятно, и с крестьянином прусским или австрийским⁵. «Европеизация» была противоречива, как и развитие Европы, и перефразируя знаменитую антинародническую фразу о страданиях «не столько от капитализма, сколько от недостаточного его развития», можно сказать, что драматизм российской европеизации, за которую ратовал Плеханов в своей борьбе и с самодержавием, и с народничеством, а позднее – в своей критике ленинизма, заключался не только в сопротивлении европеизации, но и в опасных плодах самой европеизации.

Частью драмы российской европеизации был и эпизод с пресловутым «махиизмом» (эмпириокритицизмом), сыгравшим свою роль в разрешении кризиса

¹ Заглавие романа писателя-большевика Артема Веселого (Н. Кочкурова).

² Плеханов Г.В. Соч. Т. 20. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 118.

³ Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 19. М., 1961. С. 327-345; Энгельс Ф. К истории прусского крестьянства // Там же. Т. 21. С. 246-257. Современное освещение «второго издания крепостничества» см. в: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 259-265. Дидерикс Г.А. и др. От аграрного общества к «государству всеобщего благосостояния». М.: РОССПЭН, 1998. С. 75-79. Гловели Г.Д. Экономическая история. М.: Юрайт, 2014. С. 223-225.

⁴ Плеханов Г.В. Соч. Т. 20. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 117.

⁵ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. М.: РОССПЭН, 1998. С.131.